

ПАРАЛЛЕЛИ

Валентин **ШЕЛОХАЕВ**,
доктор исторических наук

«НАША ЧЕРНОРАБОЧАЯ ПРОГРАММА», или Семь пунктов Столыпина

В период масштабных трансформаций, переживаемых современной Россией, необходимо переосмыслить опыт сходной ситуации, имевшей место в начале XX века. Особый исследовательский интерес в этом контексте представляет анализ столыпинских реформ. Личности Петра Аркадьевича и его преобразованиям посвящена огромная историография, созданная несколькими поколениями отечественных и зарубежных исследователей различных идеологических направлений и научных школ¹. Однако парадокс в том, что до сих пор нет специальных работ, посвящённых изучению взглядов Петра Аркадьевича, которые лежали в основе его исходного замысла и «технологической цепочки» реализации реформаторского курса. В последнее десятилетие издание Фондом изучения наследия П. А. Столыпина ряда фундаментальных документальных публикаций даёт исследователям уникальную возможность: приступить к изучению *системы* мировоззренческих, идеологических, политических и социокультурных представлений одного из выдающихся реформаторов дореволюционной России².

Попытаемся на базе комплекса источников систематизировать смысловые высказывания, содержащиеся в выступлениях Петра Аркадьевича в Государственной думе и Государственном совете, в Совете по делам местного хозяйства, в его отчётах и докладах, записках, письмах и интервью³.

Во-первых, через все сохранившиеся столыпинские тексты красной нитью проходит мысль о необходимости идти «своим, русским, национальным путём»⁴. Из этой посылки не следует, что Столыпин игнорировал западноевропейский, или шире — мировой опыт. В источниках имеются свидетельства того, что он внимательно изучал этот опыт, стремился его теоретически аккумулировать и использовать практически с учётом исторических особенностей России. Тем не менее определяющим для него был национальный исторический опыт, вобравший в себя

П. А. Столыпин четырёх лет с младшим братом А. А. Столыпиным (впоследствии известным публицистом и общественным деятелем). 1866 г.

особенности формирования российской государственности, совокупность социокультурных факторов и вековых традиций русского народа. Именно в этом контексте приобретают особый смысл высказывания Столыпина о его «неуклонной приверженности к русским историческим началам», к «русскому национальному пути».

Во-вторых, Столыпин прекрасно осознавал всю сложность переживаемой Россией ситуации. Характеризуя её, он использовал ёмкие определения: «перестройка и брожение», «великий исторический перелом», «время переустройства всех государственных законодательных устоев»⁵. По сути, речь шла о масштабном переходном периоде, когда, по выражению самого премьера, совершался процесс «новоскладающейся государственной жизни России»⁶. Гипотетически допустимые хронологические рамки это-

го переходного времени Столыпин определял вполне реалистически. В интервью саратовской газете «Волга» 1 октября 1909 года премьер-министр заявил: «Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!» Опыт современной России подтверждает нереальность каких-либо сиюминутных трансформаций, дающих позитивные результаты.

В-третьих, в рамках переходного периода Пётр Аркадьевич предполагал решить две взаимосвязанные проблемы: текущую, суть которой состояла в выводе страны из состояния «анархии и хаоса», и перспективную — осуществление комплекса системных реформ для создания стабильной и динамично развивающейся страны. Ещё в 1972 году выдающийся историк Валентин Семёнович Дякин (1930–1994) обратил внимание на важное высказывание Столыпина: «Если заняться исключительно борьбой с революцией, то

в лучшем случае устраним последствия, а не причину. К тому же этот путь торжественно возвещён, создана Государственная дума, и идти назад нельзя. Это было бы роковой ошибкой: там, где правительство победило революцию (Пруссия, Австрия), оно успевало не исключительно физической силой, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ. Обращать всё творчество правительства на полицейские мероприятия — признак бессилия правящей власти»⁷. При этом премьер-министр был убеждён в том, что любого рода революционные эксцессы «должны пресекаться без колебаний», и «если государство не даст им действительного отпора, то теряется самый смысл государственности». Подчёркивая, что именно «бездействие власти ведёт к анархии», Пётр Аркадьевич был убеждён, что «священная обязанность» правительства состоит в том, чтобы «ограждать спокойствие и законность, свободу не только труда, но и свободу жизни, и все меры, принимае-